дарями, но и господами не имянуют, и говорят, что началствует над ними един господь бог, а они де, монархи, люди такие ж, что и они, квакори».[42] Может быть, и сравнение с раскольниками приведено здесь для пущей убедительности — насколько опасен Кульман.

Впрочем, Кульман и Нордерман и на допросах не скрывали своих взглядов. «И Кондратей, — читаем в деле, — говорит: открыл ему бог... что... приближается кончина миру, и цесарь... и папа — последние... впредь папы и цесаря не будет. И та вся римская вера исчезнет, а будет по всей вселенной едина вера христианская, такая, какова была сначала у апостолов: что все будут имения, и сходы, и соборы общие, и явится всякая правда, и грехов люди и беззаконей творить не будут. А у тех де у всех людей будет един пастырь Христос; а царей, и королей, и великих государей князей и иных велмож не будет, а будут все ровные и все вещи будут общественные, и нихто ничево своим называть не будет».[43]

Нечего и говорить, что такие планы русское правительство считало опасными. Пока дело шло только о ереси, розыск велся очень осторожно: ведь еретик был иноземцем, для русских он был таким же еретиком, как и правоверные католики, лютеране, кальвинисты. Россия была в общем терпима к представителям западных церквей; безусловно запрещая пропаганду среди православных, она позволяла беспрепятственно отправлять обряды «своим» иностранцам, в которых нуждалась как в специалистах. Однако Кульман представлялся правительству уже не еретиком, а бунтовщиком. Порукой этому было единодушное осуждение его и лютеранами, и иезуитами. Это был редкий случай, когда объединялись такие непримиримые, казалось бы, противники, и русское правительство не могло не насторожиться. Отсюда — и решение о пытке, и превращение в розыскном деле «иноземцы Квиринуса Кулмана» в «Квиринку». Отсюда — и трагическая смерть Кульмана.

В нашу задачу не входит рассмотрение вопроса о том, насколько Кульман был самостоятелен в своих религиозных и социальных взглядах и насколько он зависел от своих учителей — Якоба Беме и Христофора Бартута; как менялось его отношение к ортодоксальному лютеранству (Кульман, между прочим, считал, что Лютер, уничтожив злоупотребления папские, ввел злоупотребления новые, лютеранские); каково было, если оно вообще было, участие патриархии в решении судьбы Кульмана и пр. Мы стремились показать, что поездка Кульмана в Россию может быть поставлена в цепь попыток чешских евангелистов опереться на Россию, с которой их связывала и близость языка и, как думали их идеологи, сходство религии. Попытка эта закончилась неудачей, как и вообще евангелические поиски союза с восточным славянством, которые начались еще на заре гуситского движения.

---

[42] Дм. Цветаев. Памятники к истории протестантства..., стр. 135
[43] Там же, стр. 132.